

Татьяна
Краснова

ТЕРРИТОРИЯ ЮНОСТИ

Мужские истории

Татьяна Александровна Краснова

Территория юности

Серия «Женские истории»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42090174
Территория юности: Центрполиграф; Москва; 2019
ISBN 978-5-227-08569-6

Аннотация

Летом, когда Кате до окончания школы оставался год, она поняла, что в глазах окружающих уже не девочка. Глядя в зеркало, она словно увидела себя в первый раз: стройная, высокая, с густыми каштановыми волосами до плеч и серыми глазами привлекательная девушка. Приятно почувствовать себя взрослой. Друзья старшего брата уже не считают Катю маленькой, и тридцатилетний Роман, сын сослуживцев родителей, которым Катя всегда тайно восхищалась, как-то по-особому внимателен к ней... Случайная знакомая с летних курсов знакомит Катю со своими друзьями. Катя с любопытством вступает на новую территорию, территорию юности, где все в первый раз!..

Содержание

Часть первая. Пока родители в отпуске	6
«Я с тобой не стану пить вино, оттого что ты мальчишка озорной»	6
«Кто спит по ночам? Никто не спит!»	13
«Желанная всюду гостя: всем спать не даю»	22
«Нежный призрак, рыцарь без укоризны, кем ты призван в мою молодую жизнь?»	27
«Наступило прохладное лето, словно новая жизнь началась»	35
«И страстно стучит рок в запретную дверь к нам»	39
«Сегодня я с утра молчу, а сердце – пополам»	42
«Я сейчас лежу ничком – взбешенная! – на постели»	44
«Ты запрокидываешь голову – затем, что ты гордец и враль»	46
«Шоколадом лечить печаль и смеяться в лицо проходим!»	49
«Что делать в городе в июне?»	52
«Что меня к тебе влечет – вовсе не твоя заслуга!»	56
«Мне тебя уже не надо»	61
«Томилось сердце, не зная даже причины горя	71

своего»

Конец ознакомительного фрагмента.

73

Татьяна Краснова

Территория юности

© Краснова Т.А., 2019

© «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

Часть первая. Пока родители в отпуске

«Я с тобой не стану пить вино, оттого что ты мальчишка озорной»

Дома царил дух свободы. Катя сразу уловила его, переступая порог, – сильно накурено, что при родителях было немыслимо. Уже в тамбуре между входными дверями, где у Перехватовых принято менять уличную обувь на тапочки, были слышны веселые голоса брата Алешки и его гостей, мальчишек-студентов.

А дальше распахивались двери и начиналась та чудная прихожая, которые встречались только в их старинном сталинском доме, – квадратная, огромная, как зал. Из нее уходили во все стороны коридорчики, ниши кладовок и двери в комнаты. Если те, кто проектировал такие квартиры, и впрямь предполагали, что здесь будут вешать пальто, и если Перехватовы решили бы так и сделать, то вполне могли бы разместить театральный гардероб.

Но они устроили вдоль стен книжные стеллажи с пола до потолка, поставили телевизор, круглый стол и уютные кресла – и получилась замечательная гостиная, где семья, вся или

по частям, уж как получалось, любила попить чайку, обменяться новостями и что-нибудь посмотреть интересное. По сути, лжеприхожая была любимым местом в доме. Здесь не боялись насорить и накрошить, здесь чувствовали себя вольготно, здесь можно было забраться в кресло с ногами – в том числе пуделю Арчи.

Единственное, чего не хватало, – это форточки. Кате это пришло в голову только сейчас.

Сквозь клубы табачного дыма она увидела знакомые с детства физиономии мальчишек и пару незнакомых.

– Джим, привет, – завопили знакомые.

Алешка, картинно развалясь в кресле, очень вкусно что-то рассказывал, но тут прервался:

– Не советую называть Катюшку детским прозвищем. Маленькие на такие вещи обижаются – не знаете, что ли.

Катя вспыхнула и напряглась, не зная, как отреагировать – не книжкой же по голове и традиционным «дурак», как в совсем еще недавние времена. Уж кто-то из них двоих должен уметь вести себя нормально. Но и не ответить нельзя! Тогда он может совсем распуститься. Вот всегда она так – молчит и не знает, что сказать, когда самое лучшее – сразить обидчика наповал молниеносной остротой. Но все остроумные фразы обычно приходят в голову потом, когда уже поздно, – в отличие от зубоскала Алешки с его великолепной реакцией.

Он всегда был умнее и на высоте. Если Катя училась в третьем классе, то он – уже в седьмом, и изучал уже зооло-

гию, и знал много непонятных, а потому обидных слов: одноклеточное, амёба. Похвалялся. Изводил своими познаниями до того, что Катя утром просыпалась и писала записку: «Сам ты амляба!» Забыла, как правильно, и опозорилась на всю жизнь.

И сейчас она не нашла ничего другого, как с высокомерно поднятой головой пройти на кухню. Жесты ей всегда удавались лучше.

А Алешка продолжал информировать своих приятелей, видимо, о родителях:

– ... На юг, почти на целый месяц... Конечно, классно, если бы не сессия, да еще вот за Катькой присматривать...

Катя открыла холодильник – мама перед отъездом набила его до отказа, чтобы дети не сразу умерли с голоду, – и приготовила себе блюдо, одно из тех немногих, что умела готовить: сыр и копченая колбаска, нарезанные тоненько-претоненько, и один кусочек хлеба, так, из вежливости. Композиция на тарелке: две горки и кусок. Запчасти для бутерброда. И Арчи надо дать немножечко, уж так умильно пляшет. Когда процесс приготовления был уже завершен, в дверь заглянула голова Алешки, поводила носом:

– О! Кать! И нам нарежь бутербродиков.

Совсем обнаглел. Катя одарила брата через плечо презрительным взглядом, но от него презрительные взгляды отскакивали, и он как ни в чем не бывало повторил просьбу. В ответ услышал:

– Сам нарежь. Твои гости.

– Ну ты же теперь хозяйка, – объяснил Алексей, заходя на кухню полностью.

Катя посмотрела на него подозрительно, но не уловила в голосе ни насмешливой нотки, ни подхалимской. Кажется, в понимании Алешки роль хозяйки теперь и в самом деле автоматически перешла к ней. Что-то в этом было по-новому приятное.

И сестра сменила гнев на милость. Быстро нарезала стандартных уже бутербродов, которые гости встретили восторженными возгласами.

– И хватит дымить, – кратко пожелала хозяйка вместо приятного аппетита.

Мальчишки, несколько не смутившись, с удовольствием начали жевать, одновременно предлагая ей свои пиво и тоники. Алешка против ожиданий ничего не ляпнул – но Катя сказала, что любит не пиво, а кока-колу, а ей отвечали в том духе, что им тогда больше достанется.

– У меня есть кола в машине. Хочешь, принесу? Здравствуй, Катя.

Она только сейчас заметила, что в комнате прибавилось еще одно лицо.

Прислонившись к входной двери, стоял мирный викинг лет тридцати, высокий, худощавый, светловолосый. Это был Роман, сын соседей по подъезду, папиных сослуживцев. Он давно уже жил где-то у жены и здесь появлялся нечасто. Он

помнит ее имя! Смутившаяся Катя затрясла головой, утверждая, что совершенно не хочет колы, и тихим голосом пригласила гостя к столу. Алешка ее громко поддержал, и блюдо с бутербродами повторилось, все так же на ура.

Катя собралась было уйти в свою комнату, но Роман ее о чем-то спросил, и она задержалась – да так и осталась за круглым столом, который они с Алешкой когда-то щедро уляпывали пластилином, и клеем, и красками, а теперь за ним же, накрытым красивой скатертью, совсем как большие принимали гостей.

Как же был не похож Роман и на мальчишек с их приколами и глупыми шутками, и на взрослых с их вечным снисходительно-насмешливым тоном. Если он о чем-то спрашивал, видно было, что ему это действительно интересно, и отвечал не для галочки, и рассказывал что-нибудь к месту. И как-то умудрялся, совершенно не улыбаясь, в то же время оставаться заинтересованным и приветливым.

Правда, Алешка не мог не мешать и чуть было все не испортил. Когда Роман спросил, чем Катя собирается заняться на каникулах, и она ответила, что записалась на компьютерные курсы, братец охотно влез:

– Это я ее достал, сама бы ни в жизнь не пошла! Представляешь, мне как-то раз надо было перегнать информацию, и я ее попросил, и оказалось, что она не умеет ни заархивировать, ни даже письмо элементарно по электронке отправить. Кошмар. Шестнадцать лет! Десятый класс окончила!

Катя снова вспыхнула – и опять растерялась. Но Роман с его доброжелательно-ровной манерой разговаривать и Алешку сумел как-то выровнять, рассказав, как сам был чайником, пока на работе не потребовалось всерьез влезать в компьютер, и какие книжки действительно помогли, а на какие можно не тратить время, и еще надавал Кате кучу практических советов, на что надо обязательно обратить внимание на курсах. Алешка отцепился, а она с благодарностью слушала, все больше проникаясь симпатией к своему взрослому гостю, такому серьезному, такому умному, такому деликатному – и такому красивому. Его узкое лицо и темные брови при светлой шевелюре казались Кате особенно породистыми.

И в собаках собеседник знал толк, уделив внимание ее любимому Арчи: расспросил о масти, а она была у пуделя редкой – абрикосовой, о родословной, рассказал, что сам мечтает о собаке. И еще успевал со всеми остальными перебрасываться какими-то фразами, в то время как Катя смотрела только на него. Она совершенно не думала, зачем же Роман к ним зашел, ей только хотелось, чтобы он не уходил как можно дольше. Но он, выбрав момент, отлучился с Алексеем в другую комнату и, переговорив о чем-то, стал прощаться.

После его ухода Катя сразу скисла и ушла к себе. Было совсем поздно и время ложиться спать, когда брат к ней заглянул:

– Мы пойдем погуляем.

– Чего сейчас гулять? – удивилась Катя. – Днем гулять надо.

– Днем солнце печет, – наставительно сказал Алешка, – а вечером приятная прохлада. Когда начнешь понимать?

Июнь выдался холодный, и днем-то зуб на зуб не попадал, и все вытаскивали назад уже убранные свитера и куртки. Но Катя, проглотив издевательство, спросила:

– А зачем Роман приходил?

– По делу, – все таким же «отеческим» тоном ответил Алешка. – Пока. На цепочку не запирайся.

«Кто спит по ночам? Никто не спит!»

Заснуть было решительно невозможно, хотя рассудительная Катя и отложила «Дневной дозор»: начнешь читать – не остановишься, а утром вставать на курсы. Нужна будет свежая голова. Правда, книжку Алешка у кого-то взял на время, особо тянуть не стоит, ну да ведь каникулы! И все успеется.

Вот только сна ни в одном глазу. А в голове – сегодняшняя музыка, обрывки разговоров вертятся без конца. Чтобы переключиться, Катя потянулась к полке с маленькими томиками – попалась Цветаева – и раскрыла наугад. Такое чтение неопасно, как раз на ночь. Но выпало *«Настоящее, первое счастье Не из книг!»*, после чего вся встреча с Романом закружилась в голове заново.

Было глубоко за полночь, но глаза и не думали слипаться. Наоборот, Катя прекрасно различала в темноте очертания вещей и даже буквы на корешках книг. Квадрат света от фонаря за окном падал на картину: девочка в ночной рубашке тянется к блюду с фруктами, а на ковре дремлет большая желтая собака. Когда Катя была маленькая, то думала, что это нарисована она, а собака – Пальма с соседской дачи...

Вздыхнул на своем коврикe Арчи – осмысленным человеческим вздохом, как только собаки умеют. Как же тихо! И Катя внезапно ощутила всю пустоту большой квартиры, где живых-то – только она да пудель.

Пустота была непривычна тем, что она настоящая. Родителей и раньше постоянно не было дома, особенно после того, как Белогорский научный институт развалился на куски и папа стал директором одного такого куска. А в мамином институте как раз в июне всегда сессия, и она тоже пропадает на работе. Они с Алешкой привыкли быть самостоятельными. Но все равно родители, хоть их и не было, всегда как бы были. А вот сейчас их нет по-настоящему – они совсем далеко и вернуться совсем не скоро.

Катя не то чтобы скучала, а прислушивалась к себе – вроде когда-то уже была такая же пустота. И точно, была. Давным-давно, лет пять назад, когда мама попала в больницу, а папа был в заграникомандировке. Они с Алешкой были еще маленькие, и их разобрали к себе разные родственники.

Она попала к дяде.

Из всей жизни, прожитой у него, Кате особенно отчетливо запомнился деревянный пол. Чуть искривленные линии досок, гвозди и трещины в них и щели между ними. Должно быть, она упорно глядела вниз, потому что тетя все пыталась добиться ответа на вопрос: «Ну чего под ноги уставилась?» А лица тети и дяди почему-то не запомнились – в отличие от трещины в полу, похожей на дерево с ветвями.

Родственники не были злыми или жадными людьми. Тетя всегда пододвигала Кате большую тарелку, доверху наполненную едой, и с пристальным вниманием глядела, как она ест. Ложка опускалась. «Во, опять не ест ничего!» – словно

бы победоносно заявляла тетя. «Не ест – значит, не хочет, – резонно и медленно отвечал дядя, ковыряясь в часах. – Захочет – поест».

Катя изо всех сил старалась казаться незаметной. Она или гладила потихоньку хозяйскую болоночку Шпульку, или, сидя на полу, рисовала дорогу. Дорога пересекала лист, и по обеим ее сторонам располагались леса, поляны, лужайки – веселые, с цветочками. К одному листу приставлялся другой, и дорога продолжалась, менялись только окрестности. Разложив десяток листов в одну линию, можно было видеть всю дорогу от начала до конца. Впрочем, конца у нее не было – в этом и заключался замысел. Кате не надоедало. Но и ее рисование раздражало родственников. «По дому скучает», – как бы уличая ее в чем-то постыдном и оскорбительном, комментировала тетя. А дядя, не поднимая глаз от часов, отвечал: «Займи ее делом. В магазин пошли, что ли».

В магазине Катя брала сдачу не считая – она не надеялась на свои математические способности. Продавщица же профессионал, у нее это лучше получится, а Катя будет долго вычислять, запутается и только задержит усталых людей, стоящих в очереди. «Опять, – торжествовала тетя, когда Катя отдавала ей сдачу. – Опять ее на полтинник обсчитали!» Дядя не сразу поднимал голову. «Да ты погляди на нее, – медленно говорил он, медленно привинчивая колесико. – Ее же так и хочется обсчитать».

Он словно радовался любому подтверждению никчемно-

сти племянницы, но вместе с тем эта никчемность выводила его из себя. Катя не шумела, не бегала, не путалась под ногами, не приставала с глупыми детскими вопросами. Но именно это спокойствие и раздражало дядю. Он ощущал в нем нечто противоположное собственной природе, но придраться хотелось к чему-то конкретному – а повода не возникало. Приходилось начинать без повода либо использовать устаревший. Это неприятно нарушало логичность обвинения. А очевидность того, что столько эмоций вызывает существо ничтожное, взятое в дом из милости, становилась последней каплей.

«Суть не в полтиннике, – толковал дядя, подняв указательный палец. – Суть в человеке. Не полтинника жалко, а что такие человеки неизвестно для чего живут, да еще и вырастают. Я с одного взгляда скажу, из кого толк будет, а кого природа так, в придачу создала». Катя догадывалась, что ее природа создала в придачу.

Дома она представляла ценность, не подлежащую сомнению. Никому в голову не приходило требовать, чтобы от нее был какой-то толк. Она удивлялась, как дядя этого не понимает. Но здесь, у дяди, обнаружилось, что есть мерилა человеческой ценности, и по этим мерилам выходит, что ценности в ней нет. Речь была длинная, не слушать ее было невозможно, но Катя запоминала лишь интонацию: видовые различия между ней и дядей были столь велики, что дядиногo языка она не понимала.

А дядя во что бы то ни стало хотел доказать ее ничтожность – но чтобы и она это увидела. «Это дома тебя избаловали вконец! К чему приспособлены твои голова и руки? У таких, как ты, они ни к чему не бывают приспособлены. Сметливости в тебе нет, расчетливости нет, да ничего нет. И если оставить все как есть, то вырастет урод, не умеющий ни другим пользу принести, ни себя устроить в жизни. Нет, если в десять лет ты только и умеешь разбрасываться чужими полтинниками, то дальше и подавно не будет толку. Таких, как ты, надо ломать!»

Дядя прямо-таки загорелся идеей бороться с Катиной никчемностью. «Вот ты молчишь все и думаешь, какой дядя плохой. Ты нас словом не удостоишь, будто ниже себя считаешь. А может, покажешь, на что способна? Я в десять лет уже умел зарабатывать деньги! Опять молчишь? Неприятно слушать? Вон Шпулька щенков принесла, не знай, куда девать. Неси-ка их на базар, будет картинки-то рисовать!» – входя во вкус, выкрикивал дядя. «Чего разошелся? – осадил его тетя. – Связался черт с младенцем. На какой базар посылаешь? В магазин-то нельзя послать». «А ничего! – восклицал дядя. – Пускай! Все на пользу пойдет. Ну, где твое самолюбие?»

В Кате в тот момент не было самолюбия. Она не хотела на рынок.

«Ходи и предлагай: породистые щенки! И нахваливай, да как следует, – азартно поучал дядя. – По десятке с хвоста

дадут – и то дело. Ну! Прямо сейчас и отправляйся». «Да будет тебе», – опять вступилась тетья, но он решил довести дело до конца. «Ах, ты никак? А я вот так!» Он вмиг притащил ведро с водой и двинулся к балкону.

Шпилькины щенки лежали в пустом цветочном ящике, поставленном на бок. Они были мелкие и слабенькие, с тонкими скрюченными лапками, похожие на крысят, но с курносими мордочками: их папой предположительно являлся японский хин из соседнего дома. И Катя очнулась.

Она понесла их в коробке из-под обуви. Дядя ликовал.

В Кате действительно не было сметливости. Она даже не попыталась пристроить щенков у знакомых или найти Алешку и все рассказать ему, а пошла, как было сказано, – на базар. Хотя совсем не знала, что будет там делать. Было ужасно стыдно. Но речь шла о жизни и смерти. Остановилась у ворот, притворившись, что читает объявления. По обе стороны ворот, у одинаковых тележек, стояли две торговки и продавали одинаковые пирожки. Встать где-то здесь, рядом, и тоже начать торговать?

Держа перед собой коробку, Катя медленно побрела по рынку, ни на кого не глядя и словно прогуливаясь. Если бы кто-нибудь к ней обратился, она бросилась бы бежать. Но вот над ухом раздался бас: «Продаешь, что ли?» Катя умерла на месте, а когда подняла глаза, человек уже прошел мимо. Это был покупатель! Он мог купить щенка и сократить это ужасное хождение, конца которому, наверное, не будет! Но

он уже ушел...

А дорога неумолимо вела дальше, слева и справа – прилавки, торговки, прохожие. Конца тут действительно не было: круг кончался, и начинался новый круг. Катя шла, уже поднимая глаза на встречные лица – с надеждой, – но на нее не обращали внимания. Страх исчезал. Время пошло медленнее. Прилавки, торговки, прохожие слева и справа стали отчетливее, словно на них навели резкость. Уже дважды она сумела объяснить любопытным, что это за звери в коробке. Знакомые не встречались. Никто ее не прогонял, не стыдил. Скоро ей уже было не стыдно – она была уже не она. И даже когда подошел милиционер и заявил, что здесь нельзя торговать животными, нагло спросила: «А вам не надо щеночка?» «Нет», – ответил милиционер и ушел.

После первой удачи – одного щенка купила симпатичная женщина – Катя шла мимо тех же прилавков и торговых, но только важная и радостная. Оставшиеся щенки уже не были несчастными, которых надо спасать от ведра с водой. Они были товаром. Катя расписывала своеобразие и уникальность их породы и просила за каждого десять рублей. Молодая парочка взяла одного, покрупнее и побойчее. Но последнего, щуплого, смиренного солнцем, никто не хотел брать. А базарный день кончался, торговцы сворачивались. Мимо опять прошел милиционер, но Катя даже не повернулась в его сторону.

«Куплю детишкам», – шарил в кармане пьяный дядень-

ка. Но Катя, прижав к себе коробку, проскочила дальше. Почему-то представилось, что пьянчужка сунет ее задохлика в этот свой карман и раздавит или потеряет по дороге. Она бродила по рынку, пока не отдала его в более надежные вроде бы руки. За полцены. Но это уже было не важно. На рынке остались только Катя, милиционер и две торговки с одинаковыми тележками, продающие одинаковые пирожки.

По лестнице Катя взбегала все еще с победным видом, размахивая пустой коробкой. Потом роль кончилась. Она устало позвонила в дверь. С усталостью и отвращением посмотрела на дядю. Она прекрасно понимала, что он не начнет ее любить.

Еще она твердо знала, что ни к чему рассказывать родителям все подробности ее жизни в разлуке с ними. Катя ни за что не стала бы их расстраивать и совершенно равнодушно смотрела, как папа и мама рассыпаются в благодарностях дяде и тете и, смущаясь, что-то им дарят. Пусть это компенсирует им те полтинники. Двадцать пять рублей ведь явно мало.

Что это вдруг всплыла та давняя история? Катя когда-то приложила немало усилий, чтобы ее забыть. Ах да – тихо, пусто. Мамы с папой нет. И неожиданно Катя ощутила радость, почти подпрыгнула: она теперь большая, она взрослая, сама себе хозяйка, в своем доме. Не будет никаких дядей! Никто и никогда больше не посмеет над ней издеваться!

И это совсем по-другому расцветило разлуку с родителя-

ми, по которым она все-таки скучала.

«Желанная всюду гостья: всем спать не даю»

Прогресс мчался вперед, а компьютер отставал от него и смешил своих пользователей, наивно предлагая поменять в тексте «Интернет» на «интернат» и «мобильник» на «могильник». Катя предложила старенькому пентиуму, который ей достался, запомнить новые слова и ощутила что-то вроде равенства: она здесь не только учится, но и сама может кое-чему научить железяку.

Курсы ей понравились: теорией о том, как устроен компьютер, которая все равно не задержится в памяти, не заваливали, сразу перешли к практическим вещам, учитель попался толковый, и ее гуманитарной – и все-таки не совсем выпавшейся – головы на первых два часа вполне хватило.

Но, как оказалось, не все оценивали занятия только по этим параметрам.

– С ума сойти, одни девчонки. А я-то думала, одни мальчишки будут.

Катина ровесница, вышедшая вместе с ней в перерыв на крылечко, тряхнула рыжей челкой, и широкая улыбка расплылась на лице, которое совсем не портили веснушки. Катя вежливо улыбнулась, отметив про себя, что девчонка, видимо, из тех, кто специально залезает в автобус через заднюю дверь, потому что там обычно заходят мужчины. Тако-

го добра и в ее классе полно – с тоски помрешь, слушая болтовню о мальчиках и тряпках.

Но с Лилькой помереть с тоски было невозможно. Она трещала – но совсем не нудно, а так захватывающе, так лучезарно, без тени сомнения, что ее болтовня может быть неинтересна собеседнице. Через десять минут Катя уже знала все о ее классе, о ее поселковой школе в Сосновом Бору и, главное, о ее тусовке. Встряхивая рыжими кудрями, жуя, жестикулируя булкой и широко улыбаясь, Лилька тараторила не переставая:

– Ольга знаешь какая девка подлая, с ней сейчас налаживает отношения Кирилл, так она до этого ходила с Юркой из одиннадцатого класса – он теперь с Вероникой из десятого «Б», – а сейчас ей нравится Олег, он вообще не наш, с другого конца города, а у него своя девчонка есть, Алька, хорошенькая такая, а за Кириллом Ольга сама увивалась одно время, чертова вешалка...

Катя не знала ни Ольгу, ни Кирилла, ни всех остальных из Лилькиной тусовки, но увлеченность, с которой все это рассказывалось, веселила ее, как воробьиное чириканье. Невольно вспомнилась считалка «Жили-были три японца»:

Вот они переженились:

Як – на Цыпи,

Як-Цидрак – на Цыпи-Дрипи,

Як-Цидрак-Цидрони –

На Цыпи-Дрипи-Лимпомпони.

Она не сдержала улыбки, но тут же вогнула ее в рамки заинтересованности разговором – и Лилька воодушевилась еще больше. Повествование кружилось в основном возле Кирилла, который, судя по ее словам, был чем-то вроде предводителя, имел самую большую коллекцию пробок от бутылок и умудрялся наскандалить везде, где появлялся, даже во время собственного последнего звонка. Потом в честь этого события вся компания отправилась встречать рассвет на озеро, а затем в столовку – греться, что куда прикольнее, чем киснуть дома у телевизора. С чем нельзя было не согласиться.

Лилька совсем обворожила Катю своей непосредственностью, и домой после курсов они шли вдвоем. Сначала Катя провожала Лильку почти до самого Соснового Бора, а потом Лилька, в упоении от новой дружбы, отправилась проводить Катю до дома.

– О, да ты в «зефире» живешь! А я в нем не была ни разу. Так назывался в народе их дом – розовый с белыми карнизами, когда-то привилегированный, построенный одним из первых в городе для сотрудников папиного НИИ. Такой же в Белогорске престижный, как Дом на набережной. И не в силах расстаться с новой подругой, Лилька оказалась у Кати в гостях.

Полная свобода и перехватовская прихожая привели ее в восхищение. Лилька порхала от шкафа к шкафу, ей все бы-

ло интересно и все хотелось потрогать. Например, статуэтку темного дерева: два пузатых кривоногих человечка поддерживают над головами плоскую тарелочку. Катя показала, что, если их перевернуть, пузики превратятся в головы, ноги – в руки, а подставка под ногами – в тарелочку, которую два таких же точно чудака опять будут держать над головами.

Лилька была в бурном восторге от перевертыша, и пришлось показать ей еще один, уже из посудного шкафа: обычный пейзаж на старинной фарфоровой тарелке, с холмом, ведущей к нему дорогой и деревьями на лугу, если повернуть его на бок, превращался в голову великана в профиль. Деревья становились шевелюрой и бородой, замок – носом, домики – глазами. Лилька заливалась смехом, снова и снова вертела тарелку и положила ее на место только после того, как увидела графин со стеклянным чертиком внутри.

Чертик торжественно поднимал бокал, который всегда чудесным образом оказывался полон – хоть переверни графин вместе с чертом вверх ногами. Правда, вместо положенной водки Перехватовы наливали в него настоящую родниковую воду, которую не ленились возить для питья. Воду девчонки тут же выпили для чистоты эксперимента и заели конфетами. Лилька и переворачивала графин, и трясла, но у хитрого черта не выливалось ни капли, и под конец, обхохотавшись, упала в кресло и заявила, как же здорово у Кати в гостях. Катя была польщена.

А Лилька увидела магнитофон, без спросу включила му-

зыку, потом заметила в Катиной комнате большое зеркало и переместилась туда. Тут же ей захотелось посмотреть Катинины наряды, а потом – примерить их. Катя от души веселилась вместе со своей необычной шумной гостьей, надевая разные тряпки в немыслимых сочетаниях и прыгая в них перед зеркалом, чего никогда от себя не ожидала – но тем это было прикольное. Давно наступил вечер, но они обе этого не замечали. Лилька продолжала развлекаться, накручивая им какие-то немыслимые чалмы из цветных полотенец, накидывая развевающиеся шали и покрывала и навешивая на шею и на руки гремящие бусы и длинные цепочки.

Вернувшийся домой Алексей увидел в комнате своей серьезной сестры пляски дикарей и полный разгром.

– Обучение началось, – проговорил он, видимо имея в виду компьютерные курсы.

Новая Катина знакомая очаровательно ему улыбнулась, а взглянув на часы – стрелки подходили к одиннадцати, – ахнула и заторопилась к выходу, стаскивая с себя чалму. Уже на пороге ее осенило.

– Надо тебя с нашими познакомить! Ты такая прикольная девчонка. Добром спрашиваю – классная идея?

Не слушая ответа и уже сбегая по лестнице, Лилька все развивала свою идею и кричала Кате какие-то указания.

«Нежный призрак, рыцарь без укоризны, кем ты призван в мою молодую жизнь?»

– А ты что-то рано, – язвительно сказала Катя, проходя в свою комнату и не глядя на брата. – Совсем не погулял сегодня.

Кто его знает, вдруг начнет взрослого из себя корчить и что-нибудь ей выговаривать. Лучшая защита – его опередить. Но Алексей не расположен был выпендриваться.

– Какое гулять, холод собачий, – сказал он, пожав плечами. – Правда, Арчи?

Пудель, согласно скуля, подпрыгивал, кланялся и молотил хвостом по полу. Ждал, что потреплют по хохолку. «Подхалим, – подумала Катя. – Я – хозяйка». Но пес продолжал прыгать вокруг брата, на плече которого – она только сейчас заметила – висела розовая дамская сумочка. Катя уставилась во все глаза и наконец нашлась:

– Тебе к лицу.

– Балда, – необидно отозвался Алешка, – это тебе к лицу, – и всучил ей сумку.

Катя принялась вертеть ее в руках – новая, с этикеткой, а Алешка рассказывал:

– Кидали дротики в парке, размялись немного. Это приз.

– Робин Гуд, – сказала Катя, – спасибо. – И не удержалась: – Больше, что ли, некому подарить?

– Ты у нас на даче не была? – не отвечая, спросил Алешка.

– Нет. Что мне там одной делать?

– Так, мало ли. Ромка с женой поссорился, а родители его уехали. И ключ от их квартиры он, как на грех, куда-то заделвал. Дома, скорее всего, оставил, а возвращаться не захотел. В общем, я ему дал вчера ключи от нашей дачи. Не в машине же ему было ночевать.

Брат смотрел вопросительно. Конечно, это по-дурачки – вот так сообщать ей задним числом. Ее формальное согласие, разумеется, ему и вчера было не нужно, а надо, по-видимому, только, чтобы она родителям не наболтала лишнего. Как будто она когда-то что-то болтала! О сигаретах, которые он таскал у папы, когда тот еще не бросил курить. Или о том, как он вечерами на даче убегал к друзьям, оставляя ее одну. Никогда никакой благодарности! Сказала бы ему, если бы речь шла не о Романе.

– Конечно, пусть живет, – сказала Катя. – Сколько нужно.

– Ну вот и ладно, – зевнул Алешка. – А я спать. Завтра экзамен.

– Нет чтоб шпоры писать до утра, как положено.

– В ломак. Перед смертью не надышишься.

Катя убрала разбросанные вещи и еще раз посмотрела на себя в зеркало. Высокая, но не каланча. Это плюс. Прямые каштановые волосы ниже плеч, густые, с искоркой. Тоже

плюс. Глаза в детстве были ярко-синие, а теперь просто серые. А у Алешки синие остались, даже завидно. Зачем ему? Ей бы нужнее. Ресницы в принципе можно и не красить, но накрашенные все-таки лучше. Да и хорошая тушь уже куплена, не пропадать же ей. Проколотые недавно уши уже не распухшие, можно их волосами не занавешивать. И новенькие сережки хороши. Но на несколько плюсов тут же нашлась куча минусов, хотя мама и утверждала всегда, что только сама Катя их видит.

Маме хорошо, она – красавица, прямо как артистка. Счастливый классический тип красоты, когда и в любом наряде хороша, и любая прическа идет, и косметики почти не надо. Почему родители не могут полностью повторяться в детях? Она бы не отказалась... Мама говорила Кате в утешение, что у нее просто другой, более современный тип внешности. А может, это правда? И может, это тоже хорошо? Катя попыталась посмотреть на себя посторонними глазами, но, осознав через какое-то время, что это глаза Романа, резко отошла от зеркала.

Спать! Не думать о глупостях. Он недосыгаем. У него своя, взрослая жизнь, которая с ее, Катиной, никогда не пересечется. – Он свободен! Он из этой своей жизни сбежал! Сказал же Алешка!

Он далеко. Он всегда был и будет далеко. – Он почти рядом! Он сейчас у них на даче! Может, даже в ее комнате! И невольно думает о них... и о ней!

И томик стихов ей заявил: *«Целую Вас через сотни разъединяющих верст!»* Глупости!

Катя открыла другую страницу, тоже произвольно. *«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес»*. Колдовство какое-то!

Надо взять другую книжку. *«Надоело мне быть незнакомкой, быть чужой на твоём пути»*.

Еще раз, вернуться в первый томик! *«Я старых встреч при нашей новой встрече не утаю»*.

Стихи не сдавались и раз за разом упорно твердили о любви.

Старые встречи. Их было немного – настоящих, кроме «здрате» на лестнице. Родители Романа иногда заезжали вместе с ним к ее отцу на дачу. Но он всегда был недостижимо взрослым, ему тогда и с Алешкой-то не о чем было разговаривать. Он просто, вежливо скучая, ждал, когда закончится пикник. А их детская компания бурно обсуждала фильм, кажется, одну из серий «Звездных войн», на которую Катю не взяли.

Алешка иногда позволял себе такие гадости. Обычно они ходили в кино в соседний Дом культуры на все фильмы, и эротические, и фантастические, и ужастики, всей компанией – и кому за пять, и кому за десять. Кино для дачников крутили без особых строгостей. Старшим братьям и сестрам, выполнявшим воспитательные функции, пока родители на работе, проще казалось везде таскать младших за собой. Особенно по вечерам. Может, лесная обстановка напо-

минала «Гуси-лебеди». Зевающему контролеру показывали длинную ленту билетов (елки, не считать же!) и проходили в зал. Малыши незаметно путались под ногами.

Катя уже не помнила, за что тогда Алешка на нее взъелся. Не за то, что она что-нибудь натворила. Она никогда ничего не творила. Наверное, просто из вредности. Ведь в детстве разница в три года – повод не для снисходительности, а для произвола. И неоспоримый резон напоминать, где твое место.

А этот фильм так ждали! Даже Светика, ее подружку, протащили, а ей тоже было шесть. В общем, во время обсуждения «Войн» оставалось только сохранять достоинство. Не выглядеть несчастненькой. «А Джима не взяли!» Это правда кто-то хихикает или показалось?

Джим – это их серый охотничий песик с длинными черными ушами. Он очень долго жил у Перехватовых, а потом уже появился Арчи. Когда старшие играли в теннис и мячик укатывался, Джим приносил мяч. Джим вскоре умер от старости, мяч стала подавать Катя, и, конечно, ее стали звать Джим. «Джим, лапочка, – мячик!»

Ничего унижительного в таскании мяча не было (кстати, после того Джима он был слюнявый, а после Кати – нет), Катя любила и теннис, и старших, когда они не вредничали. А такое замечательное имя выгодно отличалось от заурядных Серый, Длинный, Рыжая.

Вот Светка просто Светик. Светик-детик. Подсаживает-

ся дружески, но с превосходством: «Хочешь, перескажу, что там было?» Изо всех сил непринужденно: «Мне мама рассказывала». Не хватало еще доконать ее благотворительным пересказом.

Дети, расположившись за импровизированным столом, что-то жевали. Взрослые уже перекусили и пошли прогуляться на озеро. Роман остался, сидел поодаль и смотрел поверх голов – а все наперебой говорили, что он похож на главного героя.

Длинный летний вечер превращался в ночь. Звезды летали стаями и рассаживались в гнездах сосновых крон. Все хотят спать. Или только Катя? И пить хочется... «Дайте воды!» Под смеющийся шепот ей протянули стакан. Она спокойно отхлебнула. Что было дальше, Катя совсем не помнила. А после этой выключенной из сознания минуты она увидела Романа уже не в стороне – он раздавал тумачи, а ее обидчики слезливо оправдывались, что нечаянно налили водки вместо воды.

Старые встречи! Расправа вспоминалась смутно, какими словами утешал ее защитник – тоже. Но Катя и теперь отчетливо и живо помнила запахи сосны и полыни и как они сидели вместе под сосной. И это было ее лучшее в жизни воспоминание! Роману было тогда, кажется, девятнадцать, он казался таким же взрослым, как родители. Время утешения давно истекло, и она никак не могла понять, почему он не идет в свой интересный взрослый мир...

Во взрослом мире он был студентом. Мама говорила, что у него светлая голова и она советует ему поступать в аспирантуру. Кто-то еще говорил так же. А однажды Роман пришел к ним в квартиру, к маме, с зачеткой, так как отчего-то не получил (или не сдал?) зачет со всеми. Его попросили подождать немного. Действительно, светлая голова – полумрак прихожей осветила его шевелюра.

Катя в тот момент рылась в книжном шкафу, сидя на корточках, и смотрела на него снизу вверх. И он даже вспомнил ее имя. «Тебя зовут Джим – как в «Оводе». А почему?» Она тогда еще не читала «Овода». И после некоторых колебаний рассказала о собаке. И оказалось, что он помнит их серого Джима! И других собак на их дачах. Он потом часто там бывал. И желтую Пальму с хвостом-веером.

Потом Катя сообщила Светику безразлично: видела такого-то, – и с восторгом: он помнит Пальму! А у Светика оказалось свое воспоминание, связанное с Пальмой: как Роман и одна девушка (самая красивая, помнишь?) шли по берегу озера и целовались под пляжным грибком, а Пальма бежала за ними и махала хвостом-веером. Он будто бы тогда влюбился и зачастил к той девице.

Проклятый гриб! Он так и вспыхнул в глазах – гром и молнии! Ну нет. Пусть исчезнет! Это было – значит, этого уже нет. Она не даст все испортить.

Катя и сейчас решительно задвинула в сторону этот кусок воспоминаний. Ведь было уже решено, что ей нравятся брю-

неты, и вот в ее жизни опять появилась светлая голова! Это не может быть случайным и ничего не значить. Есть только сегодняшний день, есть новая жизнь, когда они оба взрослые и свободные, – и нет никаких бывших красавиц и поссо-рившихся жен. Почему бы и в самом деле не заглянуть на дачу? Ну, может, прогуляться где-то там поблизости. Катя представила, как Роман проезжает мимо – кстати, а какая у него машина? – как замечает ее, тормозит и предлагает под-везти...

А разговор с ним – ее тайным детским Воспоминанием, чье имя волшебным образом могло превращаться и в книгу, и в сердечное увлечение, – продолжился уже во сне.

«Наступило прохладное лето, словно новая жизнь началась»

– Ну что, сдал? Весь в пятерках?

– А то, – гордо отвечал Алексей. – Главное что? Правильно выглядеть.

Выглядел он настоящим франтом: от одной только белой рубашки, которую заранее нагладила мама, можно было потерять дар речи. Интересная бледность на интеллигентном лице молодого человека и умный, несколько утомленный взгляд не оставляли сомнений, что он ночь напролет сидел над книгами, но, несмотря ни на что, экзамен для него – праздник.

– Вот ты – препод. – Алексей проникновенно посмотрел на Катю. – Ведь мне же хочется поставить пятерку?

Катя, сидя на подоконнике, вертела маленький, маминых еще времен калейдоскопик, найденный в шкафу, когда они бесились с Лилькой, и ответила не сразу.

– Конечно, хочется. Тебе заранее положены пятерки с плюсом. Ты же преподавательское детище, маменькин сынок. Куда им деваться? Вот я ни за что в этот институт не пойду.

– Потому что мозгов не хватит, – доброжелательно пояснил Алешка, снимая роскошную экзаменационную рубашку и доставая обычную майку с джинсами.

Вместе с костюмом полностью изменилась и его живая физиономия: взамен интересной интеллигентности вылез постоянный ехидный прищур, губы сжались в скептическую улыбочку: плавали – знаем.

Катя, не глядя на него и не реагируя на колкость, вдруг начала крутить калейдоскоп в другую сторону.

– Вот только что была! Такая красивая картинка. Я хочу разглядеть ее еще раз!

– Назад, что ли, крутишь? Бесполезно, – авторитетно заявил Алешка. – Что с возу упало – не вырубишь топором. Там несколько тысяч композиций! Это ж калейдоскоп, изображать надо.

– Значит, не поймать? – безнадежно спросила Катя.

– Да плевать на нее. А ты чего не пляшешь сегодня? Где эта рыжая?

– Лилька? Она на курсах что-то не была.

Ответ получился даже грустный какой-то: кажется, Катя успела привязаться к взбалмошной подружке. А они и телефонами не обменялись.

– Обучение завершилось, – констатировал Алексей. – А чего сидишь киснешь?

– Холодно. Мы с Арчи только вышли – и тут же назад. И нет никого: Светик на море с предками, Ада на даче.

Это были подружки. Катя и раньше на летних каникулах виделась только со Светиком, потому что их дачи рядом.

Летом Катю и Алешку, как только кончались занятия, все-

гда вывозили на дачу в Сосновом Бору. И хотя она была недалеко от Белогорска, жизнь там шла совсем другая, дачная. Только иногда они заезжали в городскую квартиру за вещами, и Катя с удивлением смотрела на валики тополиного пуха на асфальте. И сам асфальт был другой, раскаленный, а их подъезд, наоборот, прохладный, гулкий и таинственный, совсем чужой. И квартира была другая, полусонная, с отчужденными, оцепеневшими вещами. А на улицах расклеены афиши с обещанием яркого и праздничного – какие-то артисты приезжают. Словом, лето в городе было совершенно особенным, заманчивым и незнакомым.

Кате так хотелось его попробовать! Она потому и придумала компьютерные курсы, пока у Алешки сессия, чтобы не отправили на дачу. Ведь жизнь должна меняться, должно быть что-то новое. И так все началось здорово! Только вдруг пошло по затухающей. Наверное, из-за холода – какое же это лето, в свитере у обогревателя. До настоящего тепла должны были пройти, как всегда, какие-то девять холодов, но вот этот холод уже просто ненормальный. Какие уж тут прогулки – под противным дождиком – в сторону дачи.

Только Алешке холод нипочем – опять куда-то намылился. Наскоро покидал в рот какие-то куски и стоит уже в прихожей.

– Дротики кидать? – спросила Катя.

– Надо же отметить. Сдали же! Слушай, а ты еду покупаешь?

– Нет пока, еще не все съели, что мама накупила.

Алексей полез во внутренний карман куртки, достал деньги – вот, оказывается, сколько родители им оставили! Ну, ему будет на что отмечать, хоть каждый день. А ей сейчас щедро даст три рубля на мороженое или что-нибудь вроде того...

Но брат аккуратно поделил сумму пополам.

– Вот. Это тебе. Так будет техничней – вдруг мы не всегда сможем пересекаться. Я в поход на какие-нибудь выходные собираюсь, и вообще...

Не успела Катя опомниться, как он, подумав, отделил от каждой кучки по несколько бумажек.

– А это будут деньги на всякий случай. Мало ли чего. Куда бы их?

Взял с полки статуэтку с пузатыми человечками – одна из плоских тарелочек над их головами, если присмотреться, была двойная. Свернул рубли, запихнул в шелку – незаметно.

– Вот так. Вынимаем только вместе! Пока. Меня не жди, на цепочку не запирайся. А хотя... можешь и запираться.

И поскакал по лестнице.

Катя пересчитала свою долю. Столько денег она держала в руках первый раз. Значит, она действительно взрослая, если уж Алешка решил так распорядиться деньгами.

Кажется, и в самом деле началась новая жизнь!

«И страстно стучит рок в запретную дверь к нам»

Пушкин, Толстой и другие классики были книгами. Ну самое большее – памятниками. Но все-таки больше книгами – родительскими собраниями сочинений с золотым тиснением на корешках. И когда вечером из полураскрытой двери в западную комнату в прихожую попадал закатный луч, застекленные полки наполнялись необычным богатым светом, и красные, синие, зеленые ряды книг начинали полыхать и становились живыми.

А вот «серебряные» поэты почему-то для Кати книгами не были, а были людьми, с фантастически интересными жизнями, больше похожими на романы, которые их творчество лишь дополняло, служа своеобразным дневником событий. И сами книги – их и о них – приходили в дом необычными путями: какие-то «удалось достать», как говорила мама, еще в те времена, когда книги доставали, а Цветаевский «Лебединый стан» – настоящий самиздатовский, машинописный – маме тогда же продал на Тверском бульваре таинственный незнакомец. И мама от души сочувствовала Кате, что те имена, которые для нее были собственным открытием, теперь оказались причислены к школьной обязательке.

Но теперь маленькие карманные томики «серебряных» поэтов вдруг перестали быть вещью в себе и один за другим

переместились в Катину комнату – они начали говорить с ней и о ней. Вечером уже полагалось их полистать и помучить вопросами. Но сегодня предсказания выпадали сплошь невнятные, расплывчатые – похоже, с ней не желали разговаривать. Значит, пора приниматься за «Дозор» – он наверняка заполнит весь вечер без остатка.

А когда от «Дозора» было уже не оторваться, раздался звонок в дверь. Катя неохотно потащилась открывать и, посмотрев в глазок, оторопела – Роман!

Он, как всегда, не улыбался, но был приветлив. Узнав, что Алешки нет, проходить не стал и протянул Кате связку ключей:

– Передай ему, пожалуйста. А это вам к чаю.

Катя машинально взяла протянутый торт. Дверь закрылась. И это все?!

Ничего больше не будет. Размечталась! Ключи от дачи – они ему больше не нужны. Но не обязательно же это значит, что он вернулся домой. Может же он перебраться к друзьям, к родителям.

Катя набрала Алешкин номер. Пусть думает о ней что угодно, что она маленькая дурочка, которая послушно докладывает старшему о каждом чихе, – но пусть что-нибудь скажет, если знает. Это лучше, чем мучиться в догадках и домыслах.

Брат долго не отвечал, потом никак не мог ее расслышать, а услышав о ключах, отозвался:

– Да, я знаю уже, он с женой помирился, там все в порядке.

Чего? Какой торт?

– Хороший торт. «Шоколадная бомба».

– Начинай без меня, – великодушно разрешил Алешка, как будто требовалось его разрешение. – Оставь только мне половину.

Ну что ж, все равно ей целиком его не съесть. Катя взяла самый большой и острый нож, настоящий тесак, прицелилась, изловчилась, чтобы не поломалась глазурь. Потом как тяпнет – да пусть ломается. Плевать. Решительно раскрыла книжку, устроилась на диване поудобнее. Сегодня она разрешает себе читать до утра, свежая голова – предрассудки. Под бок подкатился калейдоскопик. Катя его отбросила локтем: несколько тысяч картинок! Ту, что ей нужна, все равно никогда не найти.

«Сегодня я с утра молчу, а сердце – пополам»

День не задался. Осадок обреченности, оставшийся со вчерашнего вечера, утром взболтался заново и отравил весь день. А потом еще в магазине не захотели поменять испорченную консервную банку под предлогом, что у Кати не сохранился чек и мало ли где она могла купить тухлую кукурузу – как будто не она ходит к ним почти каждый день и как будто есть на свете образцовый Великий Педант, скрупулезно собирающий все чеки в продуктовых магазинах. Да, в магазинах ей исторически не везет. И магазинное поражение усугубило подавленность.

Лилька, которая изволила сегодня прийти на занятия, могла бы все исправить – она, как мотылек, опять порхала, излучая веселость, – но она все испортила.

– Привет, как жизнь, не забыла, о чем договорились?

– Нет, – не совсем отчетливо помня, о чем она, ответила Катя. – А что ты вчера не приходила?

– Да вчера такое было, наши ребята с теми дрались, ой, смех, представляешь, Кириллу кто-то не понравился, и началось, он одного в мусорницу сунул, другого еще куда-то, недаром им детей пугают. Это я к тому, чтобы ты не пугалась, Кирилл малость потрепанный будет. Поняла, что ли? Я знакомлю тебя с Кириллом.

– Что? – Катя никак не могла вникнуть в смысл Лилькиной трескотни.

– Вот прямо сегодня и устроим это дело, только приведи себя в порядок, все такое...

Катя словно начала медленно вращаться в другую сторону.

– Ты что, совсем того?

Лилька замахала руками:

– Не говори мне ничего, сама ты того, я его еле уломала, расписала: красивая, умная! Еще спасибо скажешь. Он же сейчас не занят, Ольга скрылась в тумане. Прямо к парку из своего «зефира» выходи, и он уже там будет, в начале аллеи, в семь часов, слышишь!

Катя пыталась возражать – знакомство с местным термином, рассказывающим по мусорницам своих противников, ее совсем не привлекало. Но Лилька в ужасе схватилась за голову, взлохматив рыжую прическу:

– Ты что! Мы ж с тобой договорились! Я ж с ним уже договорилась! Ты что, меня подставить хочешь?! Нет уж, чтобы в семь была. Я специально приехала, чтобы тебе сказать, плевать мне на эти курсы! Это предки думают, что мне больно интересно. А ты!..

И, ничего не слушая, укатила с кем-то на оглушительно трещащем – почти как она сама – мотоцикле.

«Я сейчас лежу ничком – взбешенная! – на постели»

Катя вернулась домой злая. Взять и вот так влипнуть!

Кто же так делает! Хороша подруга! Обещала ведь совсем другое – познакомить со своей тусовкой, а это на что похоже? Кто просил-то?

Нет, хватит на сегодня. Никуда она не пойдет, хоть Лилька пополам тресни. Ей, кажется, еще спасибо нужно говорить?! Кате, кажется, честь оказали – познакомят с местной знаменитостью? Которую для этого еще уламывать пришлось! Она все больше злилась на Лильку, то ли бестолковую, то ли вероломную. Самое возмутительное, что они с ней будто бы договорились. Значит, «познакомить с нашими» – означает подсунуть ей этого ненормального Кирилла?

Постановив, что никуда она не пойдет, Катя успокоилась – до самых семи часов.

Но когда стрелки начали приближаться к назначенному времени, она подошла к своему большому зеркалу и критично посмотрела на себя.

Итак, красивая, умная?

Ладно. Сейчас будет.

Она распахнула шкаф и встала перед ним, подбоченясь. Главное – что? Правильно выглядеть. Что там есть? Маскарадные шали и полотенца – стопочкой, ненужный купаль-

ник – кто-то, кажется, собирался этим летом загорать, – точно так же не нужный сарафан, а вот теплые вещи поношенные, задвинутые в дальний угол. А вот и оно!

Закусив губу, с почти Алешкиным ехидством на лице, Катя вытащила прошлогоднее форменное платье, темно-мрачно-синее. В десятом классе форму носить их уже не заставляли... То что нужно – на такое свидание! Натянула. Замечательный цвет: лицо сразу сделалось вытянутым и бледным, как у мертвеца. Хорошо, что еще загореть не успела. И круги под глазами очень кстати, славно, что именно этой ночью она читала до утра. Никакой косметики. Серьги снять. Цепочку и кольца – долой. «Приведи себя в порядок»! С волосами что бы сделать? Злорадно посмеиваясь, Катя изо всех сил прилизала свои пышные волосы, чем-то их побрызгав, и заплела в скромную детскую косичку. Отлично сочетается с формой.

Вырядившись таким образом, она бросила в зеркало последний взгляд:

– Я им устрою! Пусть с чучелом знакомится, раз так прищипило.

Где там он ее должен ждать? Почти у самого дома? Тщеславная Лилька и престижным «зефиром» не преминула прихвастнуть! Что ж, из величественного «зефира» должно выползти именно такое создание.

«Ты запрокидываешь голову – затем, что ты гордец и враль»

Кирилл сразу и довольно грубо отказался от знакомства, которое навязывала Лилька («Раз она такая, пусть сама и ищет себе»), но ее назойливость сломила сопротивление, и он шагал к указанному месту, мысленно посылая ту идиотку, которой совсем не вовремя взбрело с ним знакомиться. Он чуть не проскочил мимо нее, а когда вернулся, то еще и попятился.

Перед ним, рядом с Лилькой, стояла куцая серенькая пигалица с косичкой, в школьном платьице. В первые минуты Кирилл с удивлением разглядывал это создание, потом пронеслась мысль, что Лилька решила поиздеваться – но, посмотрев на ее перекошенное лицо, он понял, что это не так. Знакомство произошло без единого слова. Лилька потеряла дар речи. Беззвучно шевеля губами, она кивнула на Катю и исчезла.

Кирилл и Катя стояли как два истукана. Чем больше тянулось время, тем ужаснее становилось положение. Наконец Кирилл сделал самое разумное – двинулся с места. Они пошли по аллее парка в упорном молчании. Кирилл был слишком ошарашен, а Катя слишком сердита. Она так и видела себя в этой сиротской позе, в этой куцей форме. Довести ее до такого! Из горла вырвалось что-то, отдаленно напомина-

юще смех, что еще больше ее разгневало.

– Куда пойдём? – спросил Кирилл, и вопрос прозвучал как «Что же делать-то будем?».

Он во все глаза смотрел на существо, не представляя, как с ним можно общаться. В городском парке испокон веков принято было назначать свидания, на одних аллеях здесь гуляли мамы с колясками, а на других – парочки, и сейчас наверняка пройдет кто-нибудь из знакомых и увидит его с этой! В такие ситуации ему еще не приходилось попадать. Придумывай потом, как парировать насмешки, упражняйся в остроумии.

Но шагать вот так молча было уж совсем по-дурацки. И Кирилл заговорил:

– Ты живешь, что ли, рядом с Лилькой? – Это означало «Откуда она тебя выкопала?».

– Мы на компьютерных курсах вместе учимся, – чужим голосом ответила Катя.

– А ты в каком классе?

– Перешла в одиннадцатый.

– Правда, что ли? Я бы больше пятого не дал.

– А тебя что-то давать просят?

– Ух ты!

Она еще и топорщится? Любопытная картинка. Кирилл воззрился на сердитые глаза на бледном личике.

– А почему я тебя раньше не видел среди Лилькиных друзей?

– Тебя я тоже вижу первый раз, – отрезала Катя, и, хотя она не сказала «и последний», можно было не сомневаться, что именно это имелось в виду.

Недолгий диалог продолжался в том же духе, и наконец Катя прибежала домой, плюхнулась на диван и засмеялась, хотя вполне можно было бы и заплакать. Первое свидание! О маскараде она не жалела, только было стыдно перед прохожими. А если бы Роман вдруг прошел мимо и увидел? Тогда, в запале, об этом как-то не подумалось, хотелось только побивать спесь со «звезды» из пригорода.

Кажется, удалось. Конечно, он отчасти такая же жертва Лилькиных выдумок, как и она. Все равно так ему и надо, такой самоуверенный, высокомерный тип взбесил бы при любых обстоятельствах.

– Конечно, пускай катится, – сказала Катя вслух сама себе.

«Шоколадом лечить печаль и смеяться в лицо прохожим!»

Манекен в витрине «Территории моды» прекрасно смотрелся в розовом костюмчике – брючки плюс маечка, и соломенная шляпа под мышкой. Единственное, чего ему не хватало, – головы. Катя мысленно приставила свою – получалось очень неплохо. А уж в комплекте с Алешкиной сумкой – тем более.

Она потопталась нерешительно. Ведь вышла только за кормом для Арчи и шоколадкой для себя. «Бомбу» братец, как оказалось, прикончил, хотя оставалось больше половины, и на излишек он права не имел. Но нельзя же без сладкого, и пришлось тащиться покупать, предварительно сняв «наряд для свиданий». А тут еще манекенов по дороге расставили! И все магазины на летнем режиме, работают допоздна, и двери у них распахнуты.

Хотя решить вопрос можно было и не заходя внутрь – цены вывешены тут же, и деньги тут же, в сумочке. И, главное, их хватает! И куда их еще, собственно, девать? Катя ничего не тратит, кроме как на сладости, а продуктов из холодильника-самобранки хватит, кажется, до самого возвращения родителей. Внутренняя борьба продолжалась. Помимо того что она сама, без долгих советов с мамой, еще никогда не покупала себе одежду, Катя точно знала, что та не

одобрила бы ее выбор – розовые штанцы наверняка показались бы ей несерьезными. У мамы был строгий классический вкус, эксперименты отрицались. Катя представила себе, как та смотрит на этот костюмчик и ее глаза увеличиваются в размерах.

Тогда Катя решилась на полумеры: твердо вошла в магазин и направилась прямо в примерочную кабинку.

– На вас отлично сидит, – сказала продавщица, когда Катя вышла к большому зеркалу посмотреть на себя на просторе.

И она не привирала, чтобы сбыть товар. Катя и сама еще до примерки видела, что костюмчик подойдет, – мама всегда говорила, что у нее стандартная фигура и ей легко подбирать одежду, – и надела его, только чтобы убедить себя окончательно, что купить его надо.

– И сумочка как подходит, – не унималась продавщица. – Конечно, он легкий, но ведь начнется же когда-то настоящее лето.

В это всем очень хотелось верить. Другие покупательницы, поглядев на Катю, начали искать такие же точно костюмы, но продавцы их огорчили, сказав, что тот, что на Кате, – последний.

И она решилась.

После магазинного триумфа Катя и домой пошла прямо во всем новеньком – вроде не так уж и холодно! – и всю дорогу ловила заинтересованные взгляды мужчин. Ей улыбались и то и дело спрашивали, сколько времени, и как куда-нибудь

пройти, и что она делает вечером. Это немного смущало, но было приятно.

Вот теперь Роман мог бы, просто должен был пройти мимо! Но он не прошел. «Вспоминай меня – и наступит лето», – распевала в ее плеере группа «Корни», и Катя уже принимала как должное то, что строчки в книгах, обрывки песен и разговоров попадали в тему. Лето возвращалось на глазах. Солнце, вместо того чтобы садиться, вдруг воссияло, и становилось заметно теплее, и прохожие повеселели. А все она – ее отважная покупка!

Дома был Алешка, и он тоже «восхитился»:

– Барби! Вылитая Барби.

– Дурак, – был ему ответ – не совсем убийственный, зато молниеносный.

А всегда радостный Арчи прыгал вокруг хозяйки и пытался приложиться к обновке лапами, но ему запретили.

Плохого настроения как не бывало. Розовый костюм озарил собой все вокруг, и Катя, повесив его на дверцу шкафа, любовалась до самой ночи.

И только вспомнив о завтрашних занятиях на курсах, немного поскуцнела. Теперь на Лилькину восторженную дружбу рассчитывать не приходится. Впрочем, Лилька вряд ли появится – компьютеры же ей неинтересны.

«Что делать в городе в июне?»

А назавтра, на перекрестке, по пути на курсы Катя увидела Лильку. Та неслась на урок рыжим вихрем, бесчисленные веснушки были тщательно замазаны тоном, но все равно видны, а уж удержать улыбку не было никакой возможности.

– Привет, подруга! Сегодня так тепло, так здорово, правда?

Ей что, память отшибло?

– Чего молчишь? Ого, какая ты сегодня. И сумка классная! Слушай, давай мы с тобой... Да чего глядишь-то так?

Катя поняла, что за «свидание» она не сердится.

– А, ерунда, – махнула рукой Лилька. – Ты меня поставила, конечно, в идиотское положение, но я тебя успела полюбить. Ты ужасная оригиналка. Какие планы на сегодня?

– После занятий? Я еще не думала...

– А ты обязательно хочешь на занятия? – жалобно спросила Лилька и тут же махнула рукой: – Ладно, ладно. Куда еще время убить? Летом в городе с ума сойдешь, правда? Если не уехал никуда... – Катя не нашла что ответить, а Лилька вдруг загорелась: – А знаешь что! Едем в институтский спортклуб. У наших там один студент знакомый, Славка, я только и знаю, что имя. Но это все равно, они прибились туда и каждый день теперь таскаются, нас забросили совсем. А мы что, рыжие? – И, тряхнув головой, Лена сама посмеялась

над вопросом.

Белогорский филиал московского технического вуза славился во все времена – и хорошей подготовкой, и веселой студенческой жизнью. Когда-то здесь ковались элитные кадры для Белогорского же НИИ, и все было сделано основательно: учебный корпус, общежитие, столовая, спортклуб. Солидность и основательность сохранились, а оживленности даже прибавилось: филиал, чтобы шагать в ногу со временем, открыл еще несколько модных факультетов – экономический, юридический, туризм и отдых. Студентов стало больше, и девчонки появились, разбавив традиционный «мужской монастырь».

Но институтский спортклуб по-прежнему оставался мужским царством. Студентки мелькали там изредка, видимо предпочитая дискотеки и конкурсы красоты. К тому же клуб стал почти коммерческим – перебраться в волейбол можно было еще даром, а вот пройти на теннисный корт – уже нет. Впрочем, Катя с Лилькой убедились, что девушек-болельщиц, которыми они назвались, везде пускают беспрепятственно. «Прямо как в ночных клубах», – фыркнула Лилька – наверное, знала толк в ночных клубах. Или просто выпендривалась.

Катя с любопытством смотрела по сторонам. Надо же! Все-таки тесен мир. Думаешь увидеть новое общество, а видишь сплошь знакомые лица – вон на теннисном корте брат с однокурсниками, машет рукой: «С пионерами пришла?»

Вот он где к экзаменам готовится!

А Лилька с восторгом кинулась к волейбольной площадке. Болельщики халатно относятся к своим обязанностям – не кричат, не свистят, не хлопают, – а она справилась с этим успешно, одна за всех.

– Эх, и я бы сыграла в волейбольчик! Ух, какая подача! Только тут мужики все какие здоровые, мячом зашибут... А вон те совсем играть не умеют, только стоят, руками машут. Я бы их всех троих заменила! Да куда, куда лезешь, балбес, ты же подавать не должен, не должен подавать! А эта бабенка чего втесалась, портит всю игру, скачет без толку!

Глядя на это представление, Катя смеялась от души. А Лилька подскакивала, вытягивала шею, всплескивала руками:

– Ну, ты, синий, хватит публику мочить! Тьфу, опять бабенка! Мяч в сетку, переподача должна быть! Какого черта тут судья, если он в другую сторону смотрит?! Эй, судья, какого черта?! Да тут половина играть не умеет! А вон тот, в красной майке, и в синей который – одни за всех вкалывают... Что, так быстро кончили?! Эй, судья-а! Счет какой?

Но судья ушел, так и не сказав счета.

Кирилл с товарищем – один в красной майке, другой в синей – подбирали куртки со скамеек и на все корки ругали судью, как вдруг Кирилл заметил:

– Вроде мои девчонки стоят? Ну да, Лилька рыжая, ее издалека видать.

– А вторая, хорошенькая, тоже с тобой?

– Не знаю... Лилька!

– Пойдем к ним. Это же Кирилл, – дернула Катю Лилька и побежала первая.

Катя и так уже видела, что это ее вчерашний знакомый. Только сегодня в нем не было ничего отталкивающе высокомерного: румяный, разгоряченный игрой, оживленно говорящий о чем-то с другим спортсменом. И сам такой спортивный, под стать обстановке: высокий, не качок, но выглядит внушительно, коротко стриженный и, пожалуй, даже симпатичный.

И осталась стоять на месте.

«Что меня к тебе влечет – вовсе не твоя заслуга!»

Едва приблизившись, Лилька затрещала:

– О, Кирилл, это ты, а я и не узнала, будешь богатый, ты так здорово играешь, а я и не знала, судья – подлец, правда, а это что, твой друг, как его зовут?

– Денис, кажется. Я его вижу первый раз. Денис, что ли?

– Денис, – неторопливо ответил крепкий коренастый парень, русые кудри и очень славянское лицо делали его похожим на Ивана-царевича в джинсах.

– А откуда ты здесь взялся? Ты ходишь сюда? А учишься где? Юрист или экономист? Электронщик? А на каком курсе? – мигом засыпала его Лилька ворохом вопросов.

Он невозмутимо отвечал, поднимая вывалившиеся из кармана ключи, запихивая их на место и почти не глядя на рыжую липучку.

А Кирилл тем временем смотрел на стоящую в отдалении Катю и смутно о чем-то догадывался, но не решался высказать догадку вслух и дернул Лильку:

– С подругой-то познакомь.

Та отвлеклась на мгновение:

– Да это Катька, забыл, что ли? Вчера же познакомились.

– Не забыл, – сказал Кирилл уже Кате. – Только тогда ты была совсем другая.

Он не мог понять, где были его глаза: такую – и не разглядеть. Никакая она не куцая и не маленькая, а стройная и довольно высокая. И взгляд не колючий, а бархатный. Обман зрения, что ли?

– Я что-то понимаю – тогда был маскарад. Это устроила Лилька?

– Нет, это устроила я, – спокойно ответила Катя – история с переодеванием казалась ей такой давней, что к ней уже можно было относиться с необходимой долей юмора.

– Ты не хотела со мной знакомиться? – догадался Кирилл, на сей раз правильно.

– Нет. Это была внезапная идея Лильки.

– Отличная идея, только все вышло не так...

Что-то он такое слышал о теории контрастов, когда женщина либо появляется с менее красивой подругой, чтобы выгоднее смотреться на ее фоне, либо составляет контраст сама себе: например, утром страшенькая, а вечером – конфетка. Очень похоже. Зачем-то же она здесь сегодня появилась, вся такая яркая! Конечно, это для него, и тщеславие тешилось еще больше, когда Кирилл подумал, что ведь не каждая девчонка осмелилась бы выйти на улицу вчерашним пугалом. Да, занятный экземпляр, в его стиле.

И Кирилл преобразился: он сыпал шутками и анекдотами, стараясь Катю позабавить и заставить улыбнуться, и при этом был столь милым и естественным, что она обнаружила, что улыбается и болтает, только когда Лилька, так и не отце-

пившаяся от Дениса, крикнула:

– Дождик пошел!

И довольно частый – все-таки день не выдержал. Они укрылись в павильоне с бильярдом и настольным теннисом; то же самое сделали многие, и собралась целая толпа, в том числе компания Лильки и Кирилла. Усевшись на низкий подоконник, Катя с любопытством смотрела, как они топчутся вокруг Кирилла, каждый пытается что-то свое рассказывать и один перекрикивает другого, а Кирилл одновременно отвечает, объясняет, распоряжается – словом, управляет своим народом. А им нравится, что ли, что ими управляют?

– Зачем на окно? – крикнул он Кате.

Она ответила:

– Я всегда сижу на окнах.

Не обращая внимания на ответ, он схватил из угла какую-то скамейку и, размахивая ей над головами, с грохотом опустил на середину:

– Садись! Чтоб мои гости – да по углам!

Как могло не польстить такое внимание?

Лилька уселась рядом, скамейки сдвинули в кружок, азарты разгорелись, смех не умолкал, без счета посыпались анекдоты про Вовочку, обезьяну и крокодила, мужа, жену и любовника... Кирилл – душа общества – поспевал и веселить его, и поминутно тормозить Катю, сообщая ей что-либо особо интересное. У нее совсем закружилась голова в этом вихре. Ну если он умеет так организовать веселье, тогда по-

нятно, почему они терпят его «управление».

– Давайте песни петь! – закричал Кирилл, и тут же появилась гитара. – Катюша, сегодня мы все поем для тебя.

Однако смеялись и пели на лавках не все: где-то за спинами продолжали катиться медлительные бильярдные шары и бойко щелкал теннисный шарик. Там виднелись две головы – кудрявая Дениса, который все-таки сумел сбежать от Лильки, и чьи-то светло-пепельные вихры. Последний часто оборачивался, и Катя ловила на себе его взгляд, а Дениса то и дело оттаскивала от стола и усаживала рядом с собой Лилька.

В заключение Кирилл с Денисом пошли их провожать, и они вчетвером ходили по парку до темноты, пока опять не заморосил дождь, и договорились увидеться завтра в спорт-клубе.

Не в силах уснуть после такого сумасшедшего дня, Катя невольно прокручивала в голове все события и не могла понять: ей что, понравился Кирилл? Тогда почему первоначальное мнение о нем не изменилось и что-то в нем по-прежнему отталкивает, несмотря на всю любезность? А может быть, она к нему несправедлива? Надо отдать ему должное – Кирилл оказался вовсе не тупым местным кинг-конгом, как сначала представлялось с Лилькиных слов, и был очень привлекателен.

«Легкомыслие – милый грех», – мягко упрекнула ее маленькая книжка. Нет, он ей не понравился, не то слово, а,

скорее всего, понадобился, только зачем – неизвестно. То есть хочется опять его увидеть и поглядеть, что будет дальше. Что в этом такого? Катя словно смотрела пестрое, веселое кино про саму себя, или крутила трубочку калейдоскопа, и от нее зависело, появится следующая картинка или нет.

В любом случае выспаться сегодня снова не удастся. А не опоздать ли немного на занятия? Ну и намерения. Еще один милый грех! Она определенно становится негодяйкой... И даже ее мирная комната стала беспокойной и взбудораженной: девчоночья рука на картине тянулась к запретному плоду, и собака на ковре не спала, а хитро поглядывала одним глазом: ну просто не Пальма, а Шельма.

«Мне тебя уже не надо»

Утром оказалось, что лето не задержалось – небо хмурится, солнце выглядывает из-за туч, но до того тускло и кисло, что только портит настроение. Дело чуть ли не дошло до дождя, но это вообще было бы свинством.

И настроение у Лильки переменялось точно так же, и без всяких причин. Как и договорились вчера, подружки ехали в спортклуб. Лилька была совершенно на себя не похожа, казалась невыспавшейся и раздраженной, и все Катины попытки завязать разговор натыкались на стену ее холодного молчания. Она и не гнала Катю от себя, и терпела с плохо скрываемой неприязнью. Даже не оглянувшись на нее, она круто развернулась и сразу пошла в теннисно-бильярдный павильон, к своей тусовке, уже сидевшей тесной кучкой на скамейках.

Для Кати это было как ушат холодной воды. Она остановилась на порожке, гадая, чем же провинилась. Вот за фокус со свиданием ей следовало продемонстрировать что-то подобное, было бы не удивительно. Но так, ни с того ни с сего! И зачем тогда было ехать сюда вместе? Сказала бы, что не в духе, и Катя лучше домой бы пошла. Вчерашний азарт увял, и сейчас было совершенно неинтересно, что будет дальше.

Она все-таки вошла и примостилась, никем не замеченная, на угловом окошке, рядом с бильярдом. Будничная

джинсовая куртка действовала как камуфляж – ни из компании никто ее не узнавал, ни Кирилл не смотрел в ее сторону. Наверное, его внимание можно привлечь только ярко-розовыми перьями. Сидеть в углу позабытой-позаброшенной было чем дальше, тем невыносимее, и Катя не понимала, почему она не встает и не идет к автобусной остановке.

И ведь именно сегодня жизнерадостная Лилькина болтовня была бы так кстати! Причем настроение у Лильки сразу улучшилось, она болтала как обычно. Только сегодня была выбрана другая наперсница – черненькая румяная девочка, от которой Лилька не отлипала. Она же держалась отстраненно и сдержанно, слушала вполуха и ни разу не засмеялась в отличие от остальных. Катя старалась не смотреть и все равно смотрела в противоположный конец зала, где расположилась Лилькина тусовка – спортом никто из них не занимался, просто нашли себе удобное местечко.

А та, что смеется как-то особенно и громче всех, со смелым пристальным взглядом и голливудской улыбкой в тридцать два зуба – несомненно, легендарная Ольга, и рядом с ней маячит Кирилл. Двойная ревность! Нужно бы бежать туда и что-то делать. Катя была уверена, что, если сейчас найдет в себе силы оторваться от подоконника и войти в их круг, Кирилл обрадуется, и все остальные, как по команде, и повторится вчерашний день, такой опьяняющий, – но что-то ее тормозило.

Может быть, со стороны она увидела, что они прекрасно

обходятся без нее, как и раньше, да и ей на них, в сущности, наплевать – не пополнять же группу самочек при вожаке, а подружке, с которой хотелось поболтать, нет сейчас до нее дела, – и продолжала сидеть на своем подоконнике. Насильно отодрала взгляд от тусовки и перевела на бильярдные шары. А что делать дома, если туда уйти? Здесь, по крайней мере, можно смотреть, как катятся шары. Все это было так же ясно, как то, что она здесь последний раз. А если так, и торопиться некуда.

Популярная личность Кирилл весь был поглощен каким-то рассказом, он и не подозревал, что Катя у него за спиной. Что ж, а если разобраться, на него приятно посмотреть издали, недаром Лилька рассказывала о нем так уж восторженно... Но при мысли о Лильке она быстро отвернулась к шарам.

Из пучины отчаяния ее вытащил вопрос:

– Кать, не играешь?

Она оглянулась, удивленная тем, кто это окликает ее так дружески. Рядом стоял, покачивая кудрявой головой, Денис в своей синей майке. Собрав остатки достоинства, она ответила: «Я сегодня в болельщиках», словно была здесь когда-то в игроках.

– А, – отозвался Денис как ни в чем не бывало. – А за кого болеешь? За Славку?

Она взглянула на играющих:

– Славка – тот шустрый, серенький?

Это он вчера все смотрел на нее.

Денис, которого, казалось, ничем нельзя было удивить, удивился:

– Ну да, мы же оба у вас в гостях были, у Алексея. Ты еще делала вкусные бутеры с колбасой, – на всякий случай напомнил он.

Катя подумала, что, если она сейчас покраснела, очень ли это заметно. А она и не поздоровалась с ними ни вчера, ни сегодня! Конечно, в тот вечер она видела двух новых Алешкиных знакомых, но не запомнила лица. И накурено было сильно, и сидели они как-то в сторонке, и смотрела она тогда только на Романа. Остальная публика была для нее только фоном – безликим, честно говоря.

– Так ты за кого? – напомнил Денис.

– Я? За шарик. Вообще-то я больше на бильярд смотрю. Тут от шарика в глазах рябит, а там полчаса целятся, целятся – и в конце концов никуда не попадут.

Денис расхохотался:

– Хорошо, что они не слышат комплимента. Кстати, где твоя подруга?

– Там же, где твой друг.

Катя так ответила не нарочно, просто вспомнила, что увидела вчера Дениса вместе с Кириллом, они вдвоем мяч кидали.

– Какой друг? А, тот. Да мы только вчера на игре познакомились. Мне он, как его... Кирилл, что-то не очень по-

нравился. Слишком любит, чтобы ему глядели в рот, – отметил Денис без малейшей нотки недоброжелательства. – Мы немного к их тусовке пригляделись, – продолжал он спокойно, – Славка говорит: обыкновенное стадо...

Надо же, кто-то еще думает так же! Есть братья по разуму. Катя невольно улыбнулась в сторону Славки, а он как раз взглянул на них, моргнул, шарик уронил, полез за ним куда-то.

– Ты что, не в форме? – шагнул к нему Денис.

– Сейчас узнаешь...

Они начали играть, а Катя, бросив: «Я на воздух», вышла из павильона. Даже головой потрясла – стряхнула навязание последних дней, навязанные Лилькой страсти-горести. Спасибо Денису. Вроде ничего не сказал, а вернул в реальный мир, где, кстати, опять светит солнце. Цветные стеклышки сложились в другую картинку, и было уже непонятно, чем казалась так интересна предыдущая.

Она решила побродить по территории клуба, такой приветливой, солнечной. Прошла мимо теннисного корта, каких-то дорожек – что ли, велосипедных, каких-то заброшенных площадок – то ли для городков, то ли еще для чего-то, потом вышла к футбольному полю. Обходить его пришлось долго, дольше, чем казалось поначалу, но Катя бодро шагала, с удовольствием дыша подстриженной травкой и размышляя о том, что сегодня пятница, а на следующей неделе на курсах итоговая работа, и бумажку дадут, и можно еще записаться

на интернет-курс, если захочется. Учитель приглашал. А в выходные, если погода наладится, можно с Арчи в лесу погулять. Лето в городе все-таки должно чередоваться с природой.

Площадки уже подсыхали после дождя, и спортсмены их постепенно заполняли. Многие заинтересованно поглядывали на Катю, чего она не могла не заметить. Это тоже улучшило настроение. Значит, дело не в перьях.

Сделав большой круг, Катя опять подошла к корту, только со стороны бетонной стенки в человеческий рост, укрепляющей склон холмика и понижающейся с одного конца. Теннисисты вовсю лупили ракетками, и зеваки выползли на солнышко, на скамейки. Несколько человек сидели прямо на стенке. Катя присоединилась к ним. Сидящему тут же брату ответила на вопрос о пионерах, а Денису со Славкой только улыбнулась, но зато так, что на них все посмотрели.

– Вон Кирилл ходит, – указал Денис.

– А нас не видит, – подхватила Катя. – Мы высоко сидим.

Она тоже рассмотрела фигуру в красной майке. Значит, может себе позволить ходить на платную площадку. Стадо, включая Лильку, паслось поодаль.

Но когда Алексей с друзьями шумно спрыгнули со стены и отправились играть, Кирилл оглянулся в ту сторону.

– Катюша! Ты здесь? – Он сверкнул на Лильку гневным глазом: – Чего молчала?! – и приблизился к стенке. – Что же ты к нам не подошла?

– Не хотела.

Кирилл, не моргнув, продолжал в шутейном духе, но девчонка, кажется, слезать со стенки и идти в кучу не собиралась. Это стало раздражать, тем более что происходило на виду у всех. Ничего себе! Всегда сам ходивший с задранным носом, Кирилл не любил задранные носы других. Опять, что ли, какие-то затеи, притворства? И всерьез думает, что кто-то будет терпеть капризы и розыгрыши? Пора поставить ее на место.

– Просто ты поссорилась с Лилькой, – отрезал Кирилл.

– А я говорю – не хочу, – железным голосом повторила Катя.

– А Лилька сказала: «Надоела она мне» – это про тебя.

– Вот и мне кто-то надоел...

Она не успела договорить эту фразу, как со стенки к Кириллу прыгнул Денис:

– Пошли играть. Держи ракетку.

– Для меня это тоже подходящий повод удалиться, – сказала Катя себе под нос, провожая их взглядом, – но что-то так не хочется удаляться. Солнышко, что ли, действует.

Славка услышал.

– И сиди. Охота ему второй раз нарываться – второй раз навешают.

Катя не поняла:

– Он что, тут скандалил? Когда это?

Славка, довольный, что она с ним заговорила, подвинул-

ся поближе – в самом деле серенький, этакий воробышек, неудивительно, что она его не запомнила.

– Да вот только что, ты на воздух ушла. Весь домик чуть на щепки не разнесли. Не пойми с кем, не пойми почему – видеть, просто любитель. Вытряхнут, наверно, отсюда эту шантрапу.

– Ты думаешь, его просто вытряхнуть?

– Время потребуется, конечно.

Несколько минут Катя наблюдала за игрой, потом повернулась к Славке:

– А ты будешь играть?

– Успеется. К противнику присмотрюсь.

– А Кирилл – сильный противник?

Славка обдумал ответ.

– Скорее – как это? – достойный. – И тут же рассмеялся: – А пожалуй, не лучше Вовочки играет.

– Какого Вовочки?

– Да вчера пацан здесь маленький был, Вовочка, с отцом. Здесь же и крутые, и любые бывают, кто заплатит, это не закрытый клуб. Так мы с Денисом их хотели засыпать: чего там, старик и мальчишка. А этот шкет так здорово играет – у него наверняка разряд, а до сетки носом не достает. Денис еще говорит: хорошо играешь. А он: ну, если бы мне было десять лет, тогда было бы хорошо. Интересно, сколько же ему?

– Видимо, одиннадцать.

– Похоже на то.

Мячик отскочил в их сторону, и Катя автоматически поймала его на лету.

– Вот это реакция! – восхитился Славка.

Знал бы он о ее многолетних тренировках.

– Сферистик, – проговорила Катя, возвращая мячик, и пояснила: – Алешка вычитал, что английский вояка, который придумал игру, сначала так ее решил назвать. Борьба мячей.

Борьба между Денисом и Кириллом продолжалась, а разговор у Кати со Славкой перешел на большой теннис, причем Славка подробно объяснял, как ведется счет, и увлеченно что-то говорил о ракетке, сетке и площадке. Катя очень внимательно слушала, но все пропускала мимо ушей: сидеть, подставив лицо солнышку, само по себе было блаженством. Забеспокоилась она, только когда игра закончилась и Кирилл взглянул в ее сторону, явно собираясь продолжить беседу. Но без малейшей заминки Славка соскочил со стены, взял у Дениса ракетку, и игра возобновилась так плавно и непосредственно.

– Пришел на площадку – играй, – невозмутимо прокомментировал Денис, садясь рядом.

Катя готова была захлопать в ладоши, но пришлось ограничиться восклицанием:

– Здорово!

Окружающие уши спокойно могут думать, что она восхищена игрой.

Денис внимательно посмотрел на нее. Катя немного смутилась.

– Мне очень не нравится Кирилл, – сказала она негромко.

Денис опять промолчал. Наверное, ее слова показались ему фальшивыми – после вчерашнего-то гулянья, а она сама – взбалмошной не меньше Лильки. С Денисом было совсем не так просто и уютно, как со Славкой, его пронизывающее спокойствие было уже не дружеским, а пронизывающим и жестким – хотелось свернуться и отодвинуться. Катя заторопилась и стала прощаться.

Уходя, оглянулась на братца – он увлеченно играл и, похоже, не обращал никакого внимания ни на Катю, ни на ее новые знакомства. Это было немного обидно, так же, как было бы возмутительно, если бы он вдруг вздумал опекать и вмешиваться.

«Томилось сердце, не зная даже причины горя своего»

Дуралей Арчи летел за кошкой – язык набок, уши завернулись в полете. Кошка – домашняя, белая, с голубыми глазами-блюдцами – спаслась на дереве. Катя опасливо оглянулась на «зефир» – вдруг хозяйка торчит у окна? Но торчащая у окна хозяйка расплылась в улыбке:

– Ничего, пускай она побегает. А то спит целый день, бока отлеживает. Погоняй ее, Арчинька, погоняй!

Арчи во дворе любили и не ворчали, даже когда он носился по детской площадке. Он был большой плюшевой игрушкой, которая играет с детьми, позволяя себя теребить, обнимать, гладить длинные кудрявые уши. Песик всегда был жизнерадостным и никогда не кусался. Катя иногда думала, что, если бы он знал, что никакой он вовсе не Арчинька, а Арчибальд-Рико, представитель знатного собачьего рода малых абрикосовых пуделей, с такой пышной родословной, корни и ветви которой разбросаны по всей Европе, и что у него есть даже отчество, как у людей (Рико – его папа), он мог бы загордиться и вести себя совсем иначе. Но он благополучно ничего не знал и носился по двору безо всякого аристократизма.

Сейчас во дворе установили новенький разноцветный комплекс с лесенками и горками разных уровней, и Арчи

осваивал его вместе с детишками. Он отважно карабкался по ступенькам и, взобравшись на самый верх, гордо улыбался и ожидал похвалы. Дети хотели, чтобы он вместе с ними съехал с горки, и мамы больше беспокоились за Арчи, чем за детей:

– Ну куда вы его тащите? Он же ушибется. Отпустите сейчас же! Собаки не катаются с горок. Он же лапки сотрет!

Но Арчи все же съехал вместе со всеми, паровозиком, правда, повторять развлечение не захотел. Все это было довольно забавно, но Катя наблюдала за питомцем без особого увлечения. Вот если бы можно было тоже прокатиться с новенькой пластиковой горки! Увы, она для этого большая.

Они с подружкой Светой сидели на скамеечке, и рядом Светина болонка, песик Дэн, похожий на грязненькую хризантему. Дэн бегать ленился и делал вид, что спит.

Эту Катину подружку Алешка называл «собачья Света», чтобы отличать от другой, от Светика, с которой Катя дружила с самых давних времен, детсадовских и дачных. Со Светиком они играли в куклы, а когда куклы закончились, разговаривали о своем, о девичьем, и знали друг друга как облупленных, хотя и не учились в одном классе. Светик сейчас была на море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.